

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 19 (4144)

Суббота, 13 февраля 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина

Дружба вечная, как вечны Волга и Янцзы

Вот минуло десять лет. Десять лет, запечатленных большими событиями. Месяц за месяцем, день за днем люди во всем мире убеждались, сколь прочна и значительна дружба двух народов. Дружба, бесспорно оказывающая влияние на весь ход человеческой истории.

Возможно ли переписать стройки, что ведутся с помощью Советского Союза и других социалистических стран в Китае? Их сотни. Возможно ли охарактеризовать все многообразие форм культурных и научных связей, обмена книгами и театральными труппами, всеми духовными богатствами? Их не счесть.

Подобно тому как в годы первых советских пятилеток особой популярностью пользовались у нас в стране Днепродзержинск, Ротшильд и Турквуд и многие другие, так ныне китайские друзья называются строились или уже построенные с участием СССР Уханьский металлургический и Чанчуньский автомобильный заводы, мост через Янцзы и тракторный завод в Лояне, плотин и электростанций, шахты и нефтепромыслы. Они, эти предприятия, стали костяком индустрии Китая. Уверенно бросившего мирный вызов Англии: в 10 лет достигать и превзойти уровень производства мировой промышленности изданий.

Есть огромный, непреходящий смысл в том, что наше великое сотрудничество включает и совместную борьбу за мир на всей земле. За то, чтобы справедливость восторжествовала над несправедливостью и люди спокойно спали ночью, не опасаясь, что в их дом внезапно придет бедствие. Сама социалистическая сущность Советского Союза и Китая определяет их внешнюю политику, чуждую агрессивности, как чужды друг другу огонь и вода.

Эти проинкнуты каждая статья, каждая строчка, которая Советско-Китайского Договора, и кубки Советско-Китайского оборонительного характера и не направленные против каких-то других стран.

В минувшее десятилетие энергия народов в немалой степени расходовалась на борьбу между силами мира и войны, разума и зла. И не однажды в эти годы совместные выступления Советского Союза и Китая оказывали действенное влияние на тех, кто пытался столкнуть народы в ледяные войны.

Вспомним еще. Не было такого международного форума, где бы Советский Союз не требовал, чтобы БНР было предостав-

Брюсов о Ленине

В архиве В. Брюсова я обнаружил пожелтевшую от времени вырезку из журнала. При дальнейшем ознакомлении оказалось, что это небольшая речь, произнесенная Брюсовым на торжественном заседании в Московском Доме печати в апреле 1920 года.

«Я не думал говорить, считая себя недостаточным свидетелем. Я скажу лишь несколько слов о личном взгляде своем. Впервые вместе с Максимом Горьким мы вспоминали слова поэта Тютчева: «Счастливы, кто посетит сей мир в его минуты роковыя».

Творит мирозерцание Ленина; мы бы учили, что земля движется по орбите, но это не мешает нам однако восхитаться восходом солнца утром, когда оно вечером, восторгаться им, когда оно стоит на небе в полдень.

«Счастливы, кто посетит сей мир в его минуты роковыя». Такие роковы минуты мы переживаем и сейчас. Здесь много молодых лиц и им непонятно то, как смотрим на вещи мы. Их детство прошло в 1905 году, их детство совпало с европейской войной, теперь они переживают социалистическую революцию.

МЫ проехали прошлым летом Горному Алтаю. Вдоль Чуйского тракта бежали, сменяясь, реки, стоила жара. На остановках мы спускались к берегу. Раскаленные камни жгли подошвы. Присев на корточки, я набирал в ладони ледяную воду, и пальцы сводило от холода.

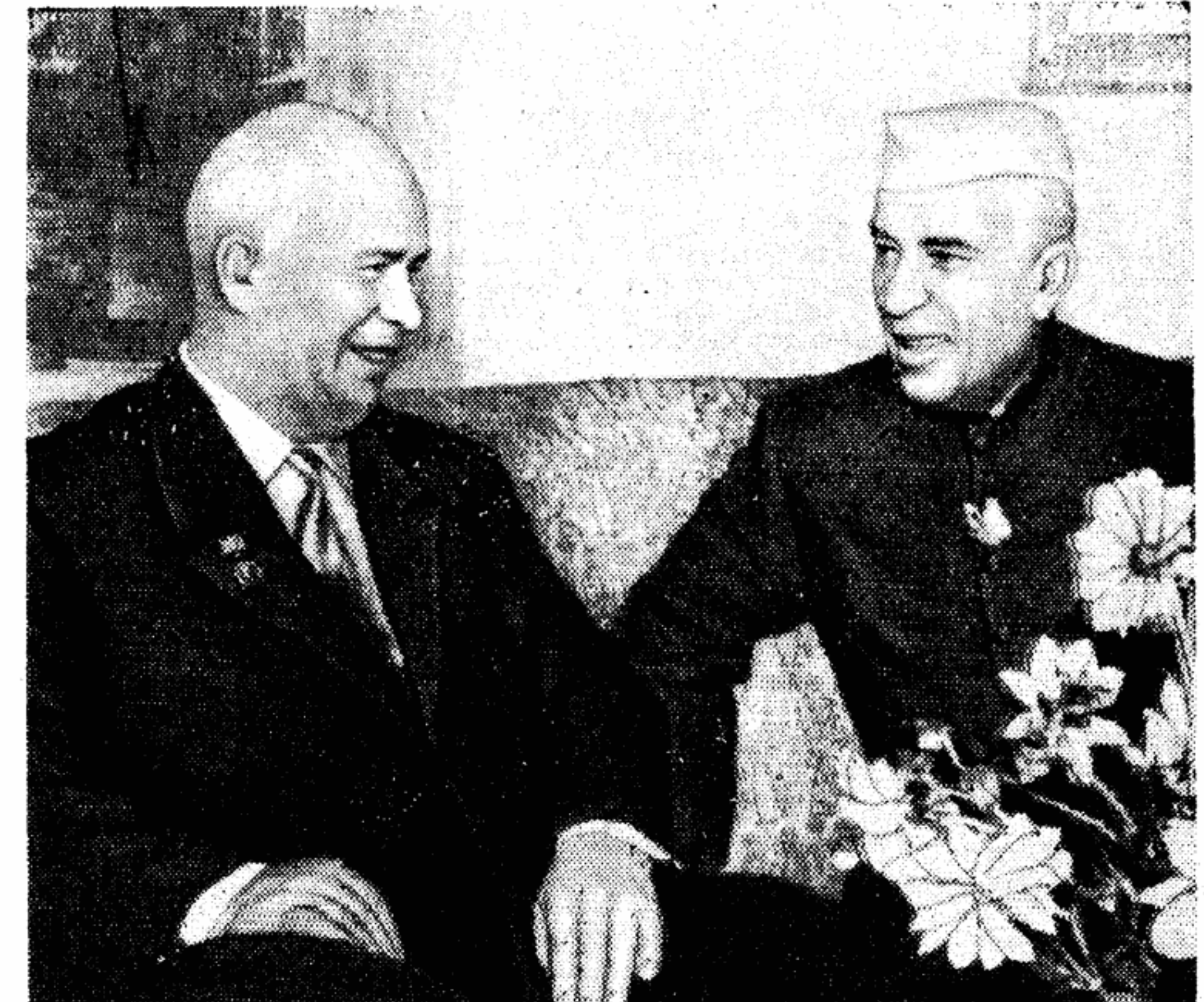
Ты тоже прекрасен, о край мой родной, Тобою навеки горды мы! Москва! Мировой революции взлет! Столица труда боевая! Идет коммунизм, Ли Да-чжао идет, Посланец рабочих Китая.

Другого ответа в Китае не услышишь. Скромность — при остром чувстве достоинства, сдержанность — под напором энергии... Пожалуй, я назвал бы эти черты китайских тружеников целомудрием, социальным целомудрием.

Воспоминание о туннеле

По крутизне мы спустились от рабочего поселка к скалистой расщелине. Далеко внизу, клочком пролетала река. Пешеходный мост, загрохотав беззвучно, качался под ногами, как люлька. Когда мы достигли середины реки, Юй сказала: — Вот там, у выходов красного песчаника, — древний храм, следы поселения Хуанхэ. А тут, в ущелье, врезанном в метаморфические сланцы, — створ будущей плотины высотой в полтора метра. Идеальная точка, ее помог выбрать советские геологи.

Вспоминание о туннеле. Юй сказала: — Вот там, у выходов красного песчаника, — древний храм, следы поселения Хуанхэ. А тут, в ущелье, врезанном в метаморфические сланцы, — створ будущей плотины высотой в полтора метра. Идеальная точка, ее помог выбрать советские геологи.

Только гости, посещающие друга с открытой душой, по великому сердцу, открывают навстречу объятию и сердцу. Именно такой восторженный прием окрывают сейчас индийцы главе Советского правительства Н. С. Хрущеву, прибывшему с кратким визитом в Дели по пути в Индонезию.

«Наши отношения с Республикой Индия, — заявил Н. С. Хрущев в своей речи на обеде, устроенном в его честь президентом Индии Р. Прасадом, — мы оцениваем очень высоко и считаем их хорошими.

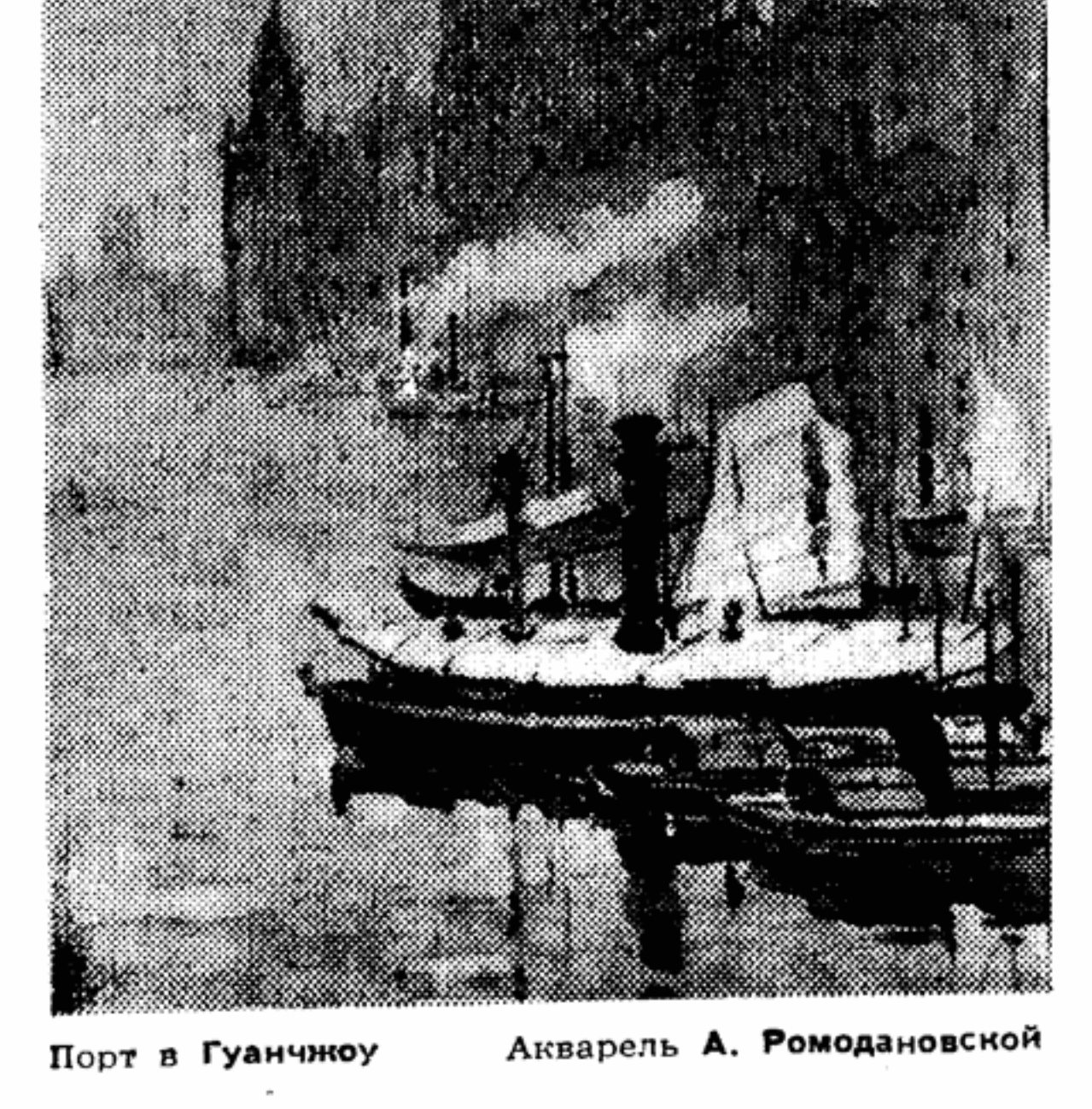
Яблони в горах

ИЗ АЛТАЙСКОЙ ТЕТРАДИ. В сад ушли яблони! И распахивая, сколько получают писателем. К садовому, пасечнику попалась очень симпатичный. Вероятно, он все понимал. Он вытаскивал из ульев готовые рамки, мы покружили медогонку, он начал угощать заведующего медом, а я потихоньку ушел в сад, огромный новый соевый сад, который примыкал к пасеке.

Другое воспоминание о туннеле. Юй сказала: — Вот там, у выходов красного песчаника, — древний храм, следы поселения Хуанхэ. А тут, в ущелье, врезанном в метаморфические сланцы, — створ будущей плотины высотой в полтора метра. Идеальная точка, ее помог выбрать советские геологи.

Вспоминание о туннеле. Юй сказала: — Вот там, у выходов красного песчаника, — древний храм, следы поселения Хуанхэ. А тут, в ущелье, врезанном в метаморфические сланцы, — створ будущей плотины высотой в полтора метра. Идеальная точка, ее помог выбрать советские геологи.

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ. Визит доброй воли Брюсов о Ленине 10 лет Советско-Китайскому Договору Алтайский дневник Д. Гранина Отрывок из нового романа Ю. Бондарева О февральском номере «Юности» На соискание Ленинских премий Случается дело... Юноша открыл «Литературный музей» Парижане — «ЗА». Страница «Омания», посвященная предостережению эдике Н. С. Хрущева во Францию.

Порт в Гуанчжоу. Акварель А. Ромодановской

Яблони в горах

(Окончание. Начало на 1-й стр.)
Сад бонсай, у подножия горы. Рядом с пасекой на ровном плато, обведенном рекой, высидели около тысячи саженцев разных сортов, яблонь, кусты. Первая очередь. На следующий год еще столько же. Затем еще.
Наверху, над нами, горы с ярко-белыми вершинами вечных снегов. «Белый», как их называют здесь. Вечные снега, вечные горы — не так уж много осталось на земле тех, где слово «вечный» принималось всерьез.
Девушки спустились к реке. Клавдия Ивановна осталась одна на огромном поле.

Крохотная фигурка ее казалась беспомощно-слабой перед просторами неподатливой земли. С тревогой подумал я о единороботе, затеянном этой старой маленькой женщиной. Удастся ли ей? Уснет ли она?

Я попробовал расспросить Клавдию Ивановну по старому сду. Она досадно морщила лоб, не желая вспоминать. Выходит, добивалась лучшего участка, чтобы начать все сначала? Выходит, так. Но ведь двадцать с лишним лет выхаживала она старый сад... Ну что ж, зато тут земля хорошая и вода рядом. Ее коричневые, пропеченные солнцем лица все в мелких складках, и когда она морщилась, уже морщинки не прибавлялось.

Она очень подвижная, энергичная. Трудно поверить, что ей за семьдесят лет. Ей ничего не стоило проехать сотню километров на мотоцикле за саженцами и черенками.

Она упорно сворачивала разговор на свои хозяйственные заботы. Обещала насос для поливки — никак не устанавливает.

Редкие шеренги саженцев выглядели беззащитно-голыми. Сколько времени и труда надо затратить, чтобы на этой голой равнине возник тенистый сад и тысячи деревьев и кустов зашумели под ветром, распевавшая зелено-солнечный блюз.

Природа Алтая построена на грубых контрастах — днем жара, ночью может ударить мороз. Клавдия Ивановна не очень-то винит своих девушек, они еще не знают, что значит вырастить яблоню в горах. К вечеру ей приходится кутать, пеленать соломой, тряпьем чуть ли не каждый росток.

Она не беспокоилась, удастся ли увидеть ей, как здесь, у подножия горы, вспыхнет белое душистое чудо цветущих садов. И с грухим стуком будут падать на землю яблоки. И люди будут собирать их в большие корзины, и все это будет здесь, в горах, куда на память Клавдия Ивановна только три раза заводила яблоню в местную лавку.

Тонкие тени яблонь съезжались, словно усыхали. Жар раскалиенной земли пронизал сквозь подошвы.

Неясная мысль все время ускользала от меня. Что-то тревожное, как воспоминание, как будто все это я уже когда-то видел. Но я был на Алтае впервые. И никогда раньше не интересовался садами.

Отчетливо помню, как я подумал, что все равно для рассказа или для очерка чего-то не хватает. Какого-то открытия, удивительности...
Через несколько месяцев, будучи в Праге, мы шли на экскурсию в Градчан. Мы остановились перед собором Святого Вита, и экскурсовод начала рассказывать нам историю постройки собора. Его строили свыше пятисот лет. Сменялись поколения каменщиков, поколения архитекторов. Кружевные драгоценные башни, росли, приращивались, вбирали талантливый труд древних мастеров. Легчайшим влетом уходила в небо лучистая шпиль. Серые хищры смотрели сверху на Прагу. Чудовидная смена готики и барокко создавала ощущение омакменелых чудес идущего времени. Перед этим наменным чудом думалось не о божге, а о могуществе человека.

Седая женщина с мягким чешским акцентом рассказывала о первом строителе собора Маттшасе из Арнаса и следующем строителе Петре Парлерже, она назвала много имен участников этой долгой эстафеты. И мне вспомнился Рим, собор Св. Петра, как несколько лет назад мы стояли на площади и говорили о Микеланджело. Ему было семьдесят лет, когда папа назначил его главным архитектором собора. Ми-

келанджело согласился и начал работу без всякой надежды увидеть свой великий замысел завершенным.
Глядя рад будущего поколения, взялся за труд, который при жизни не успеет кончить — трудно признать большую жертву для создателя. Дело тут не в славе, есть вещь дороже славы — естественное желание увидеть плоды своей работы, желание самому воплотить свое творение до конца. Стая перед собором, освобожденным от лесов, окинуть его взглядом сверху до низу.

Мини площади, теплые от солнца, тени колонн, уполазющие в глубь колонады... Память толчком вернула меня на Алтай. Сады, горы, коричневые, пропеченные лица Клавдии Ивановны. Я видел все, что видел тогда, но иначе. Кристалл повернулся другой гранью. Вдруг я понял, что поступок Клавдии Ивановны требовал, в сущности, такой же силы самоотречения, какая была у Микеланджело, у строителя собора Святого Вита. Но подвиг Микеланджело был известен всему человечеству, миллионы людей на протяжении столетий, приходя на площадь перед собором Св. Петра, вспоминая его создателя, поколения гидов повторяли рассказ о великом старце. Подвиг Клавдии Ивановны никому не известен.

Может быть, неслепо сравнивать этих людей, но сила их чувств сравнима. Бывает, что самые скромные дела становятся подвигом, если они освящены подлинной страстью.
Я думал о том, что мимо меня пролетало героическое и я не заметил его.

Плохое начало хорошего номера

ПОЖАЛУЙ, ни один из наших журналов не может похвастаться столь многообразными, рассчитанными на самые разные вкусы и читательские интересы материалами, как журнал «Юности». Это общепризнано, и об этом красноречивее всего говорит тираж журнала: 450 000 экземпляров.

И в февральском номере «Юности» читатель найдет много интересного, отвечающего самым разнообразным потребностям и склонностям. Здесь «Панорама «Юности» — фоторепортаж, где читатель увидит и дворец бракосочетания, и ребит из московской школы-интерната, купивших на заработанные деньги автобус, и своеобразный молочный кооператив, построенный под руководством молодого инженера Ивана Тесленко в одном из краснодеревских колхозов, и юных рабочих автозавода имени Лихачева, получающих свою первую зарплату. Рядом — заметки и корреспонденции, в которых рассказывается о неизвестной фотографии В. И. Чапаева, о подвиге комсомольско-партизанина Зины Ломаковой, замученной фашистами. Шахматисты, болельщики, да и не только любители шахмат с большим интересом прочтут отлично написанный очерк Вик. Васильева «Загадка Талая», посвященный молодому советскому гроссмейстеру, претенденту на звание чемпиона мира.

«Юность» продолжает свою давнюю традицию непосредственного разговора с читателем. Несомненно, найдут отклик выступления Э. Черепаловой «А текст есть» и А. Елагина «Спор», посвященные морально-этическим проблемам. В центре журнала — две прозаические вещи «Юности» публикуют продолжение романа Николая Погодина «Ярентное ожерелье» и новую повесть Сергея Львова «Спасите наши души!».

Несмотря на то, что на 73-й странице журнала, где обрывается публикация «Ярентного ожерелья», сказано «окончание следует», и судить о произведении в целом пока невозможно, уже отчетливо видно, что крупнейший советский драматург, выступив в новом жанре, проявил себя как зрелый и оригинальный прозаик. Роман привлекает и остротой поставленных проблем, и тонким ощущением атмосферы наших дней, ярко написанными характерами молодых людей, и, наконец, как всегда, блестящим погодным диалогом.

Повесть С. Львова посвящена одному из сложных и актуальных вопросов: в

пропустил, обманутой личной обиденности и собственной беспечностью.
Воспоминание о Клавдии Ивановне преследовало меня, как неотпущенный долг. Я решил, что обязан написать хотя бы то, что знаю. Конечно, если бы я не считал себя тогда, на Алтае, отпусником и разоблачал бы в том, что творилось с Клавдией Ивановной, когда она отказалась от своего старого сада, сада всей ее жизни, ради нового участка, поняв бы, сколько мужества и веры потребовало от нее это решение, как оно пришло к ней, то может быть, у меня получились бы настоящие рассказы о самом больном и важном в человеческих чувствах. Но я этого не сделал, и мне было грустно и обидно оттого, что уже никогда не удастся его написать.

Оказывается, тот, кто хочет быть настоящим писателем, не имеет права на отступки, не имеет права на минуту уйти от своей профессии, закрыть глаза и сердце. — Иначе жизнь жестоко мстит. Человек должен отдавать все что имеет, сегодняшнему дню.

Стоит мне вспомнить о Клавдии Ивановне, и передо мной возникает всегда одно и то же: суховатая фигурка, склоненная над саженцами, озабоченно разминающая сухой ком земли. Она пошла на мудрую и вечную хозяйку огромной семьи, которой принадлежит эта земля и эти горы, и долина, лежащая за излучиной реки, семьи, где многие излучины, некоторые живы и бесценное количество еще не родилось. Это о ней говорится в старой народной поговорке — живи так, как будто умрешь завтра, обрабатывая землю так, как будто проживешь сто лет.

О ней и, наверное, о каждом из нас.

Что инцидатор...

На показательный процесс выездной сессии суда в клуб шуплов-нагушевой фабрики собрались рабочие, товарищи подсудимых, родственники.

На первый взгляд, слушается очень сложное дело. Трое живущих в одном и том же доме парней, сговорившись между собой, в одну ночь совершили подвиг три квартала города. Двадцатилетний Казаков, двадцатитрехлетний Курьянов и двадцатидвухлетний Громов (это он изображен на снимке) унесли на семь тысяч рублей носильных вещей. Зал с напряженным вниманием следит за процессом. И судя по разговорам в перевернутой вилочку, так сказать, детективные подробности дела: как воры сумели открыть дверь, не выломав замков; откуда они знали, что в ограбленных квартирах, расположенных на разных улицах, никому было оказывать сопротивление; кто был инцидатором кражи.

Казаков утверждает, что это он спьяну подобрал своих приятелей на кражу и сам открывал своими ключами дверь квартир. Курьянов же твердит, что дверь открыл он. А Громов? Тот пожимает плечами. Он только стоял «на стреме», как ему велели старшие.

Меня тоже интересует тайна этих краж. Но, как и многих присутствующих в зале, инцидатором кражи, Курьянов не считает. Интересует совсем другое. Как случилось, что эти трое парней совершили преступление?

Не тайна, а наше упущение

Все они на скамье подсудимых не впервые. Казаков за уклонение от военной службы в 1956 году был приговорен к четырем годам лишения свободы, который отбыл около двух лет. После этого вернулся в Москву, работал на заводе. Однажды он прогулял.

И ВОТ ОН НА СВОБОДЕ

Прогул — скверный проступок. Но стоило крепко подумать, что становится с Казаковым, если он будет предоставлен самому себе и своим приятелям. Конечно, следовало избрать другую меру наказания, а не изгнание Казакова из трудового коллектива.

Два с половиной месяца он был без работы. Никто на заводе не поинтересовался, что делает их бывший товарищ. Никто даже не справился, как он живет и трудится ли. И никто не заволаговывался, что уволили парня, за который нужен глаз да глаз!

Курьянов, как и Казаков, потерял отца на фронте Отечественной войны. Был неплохим парнем. Но, пристраившись к водочке, стал хулиганить дома. За дебош его судили, и два с половиной года он провёл в тюрьме. После этого четыре месяца работал в жилищно-эксплуатационной конторе Ленинского района слесарем-сантехником.

Как же относился к нему товарищ по работе, знавшие, что Курьянов уже находился в заключении? Что они сделали, чтобы втянуть его в жизнь коллектива, увлечь общими интересами? Да ничем!

Теперь на суде представитель конторы пытается взять Курьянова на поруки, уверяя, что, дескать, коллектив будет наблюдать за Курьяновым и на работе, и дома. А где же многоуважаемый коллектив был раньше?

Суд в ходатайстве конторы отказал. Можно ли было поступить иначе? Нет. Не каждый коллектив достаточно морально силен и крепок, чтобы можно было доверить ему «трудного человека». Курьянов по ходатайству того же коллектива не был взят до суда под стражу. И что же? Он уже однажды сорвал назначавшуюся сессию суда, завинчившись туда в нетрезвом состоянии.

Громов — единственный из троих вырос в нормальной семье, не потерявший в войне отца. Его отец — шофер, один брат отлично служит в армии, другой хорошо учится в школе.

Семнадцатишестилетним парнем Громов за кражу был приговорен к трем годам лишения свободы, но отбыл всего год с месяцем. Вернувшись в семью, через год за кражу снова предстал перед судом. Если, думая о Курьянове и Казакове, можно объяснить их первые проступки бездарностью, влиянием улицы, то Громов «оправдать» нечем. Это только стоило на преступление?

Почему в дружной рабочей семье вдруг появился моральный урод? На нынешнем процессе этот вопрос, к сожалению, не поднимался. (Впрочем, трудно и требовать от судей, чтобы, слушая дело, грозящее человеку третьей судимостью, они снова разбирались в том, почему появился первый.)

Во второй раз Громов пробыл в колонии вместо пяти лет лишь два года. Его освободили условно — досрочно. Ему разрешили прописаться в Москве, обеспечили работой. Но через неделю после освобождения он с Курьяновым и Казаковым совершил серию краж.

Администрация колонии попешница с освобождением Громова. А казальские работники колонии должны были обратить особое внимание на перевоспитание Громова, осужденного за повторную кражу, и освободить его досрочно можно было, только убедившись, что он на самом деле хочет жить честным трудом.

Из трех представших перед судом парней только Громов уже совершал кражи, знал, как, что надо для этого делать. И, конечно, не Казаков и Ку-

6 февраля в «Литературной газете» под заголовком «Суд вынес приговор...» были помещены эти фотографии.
Фотографы обратились в редакцию с просьбой рассказать о судебном процессе, на котором были сделаны снимки. Мы публикуем статью писателя М. Роизмана, присутствовавшего на суде.
И ВОТ ОН НА СВОБОДЕ
СЛУШАЕТСЯ ДЕЛО...
...наоборот. Может быть, все произошло из-за выпивки? Но выясняется, что Казаков и Курьянов раньше, в дни получения, угощали друг друга вином, и никогда не приходило им в голову кого-нибудь ограбить. А в тот злосчастливый день они, нетрезвые, встретили Громова и пошли красть.

Чтоб преступление не совершилось...

С тяжелым чувством я покидаю здание клуба, где только что кончился показательный процесс.

Нет, не об украденных носильных вещах шел там разговор. Кстати, получив сигнал от постового милиционера, оперативные работники 4-го отделения милиции уже к утру вернули все вещи пострадавшим.

Нет! Речь идет о том, как освобожденный условно преступник на наших глазах украл у общества двух парней, которые могли бы честно трудиться. Они снова попали в тюрьму. И на этот раз уже не за анархические выходы, а за преступление, которое расценивается законом, как одно из серьезных.

Порой в работе с оступившимся человеком мы сильно полагаемся на то, что «сама жизнь воспитает». Бесспорно, наша действительность — замечательный воспитатель, но ведь и прежде человек жил среди нас и все-таки покатылся под гору! Значит, слишком легко поддается случайным дурным влияниям. Ему нужно постоянное внимание, моральная поддержка.

Самый трудный период для бывшего заключенного — это первое время после освобождения. Вот человек прибывает в свой город, где его могут встретить трудности, почти неизбежные для начинающего новую жизнь.

Кто же должен помочь? Конечно, это не входит в задачу прокуратуры или милиции. Но ведь в этом же городе находится коллектив, в котором человек раньше работал или учился. Там он и должен найти тех, кто первым поможет ему стать на ноги.

А народные дружины? И у них огромные возможности поддержать вернувшегося.

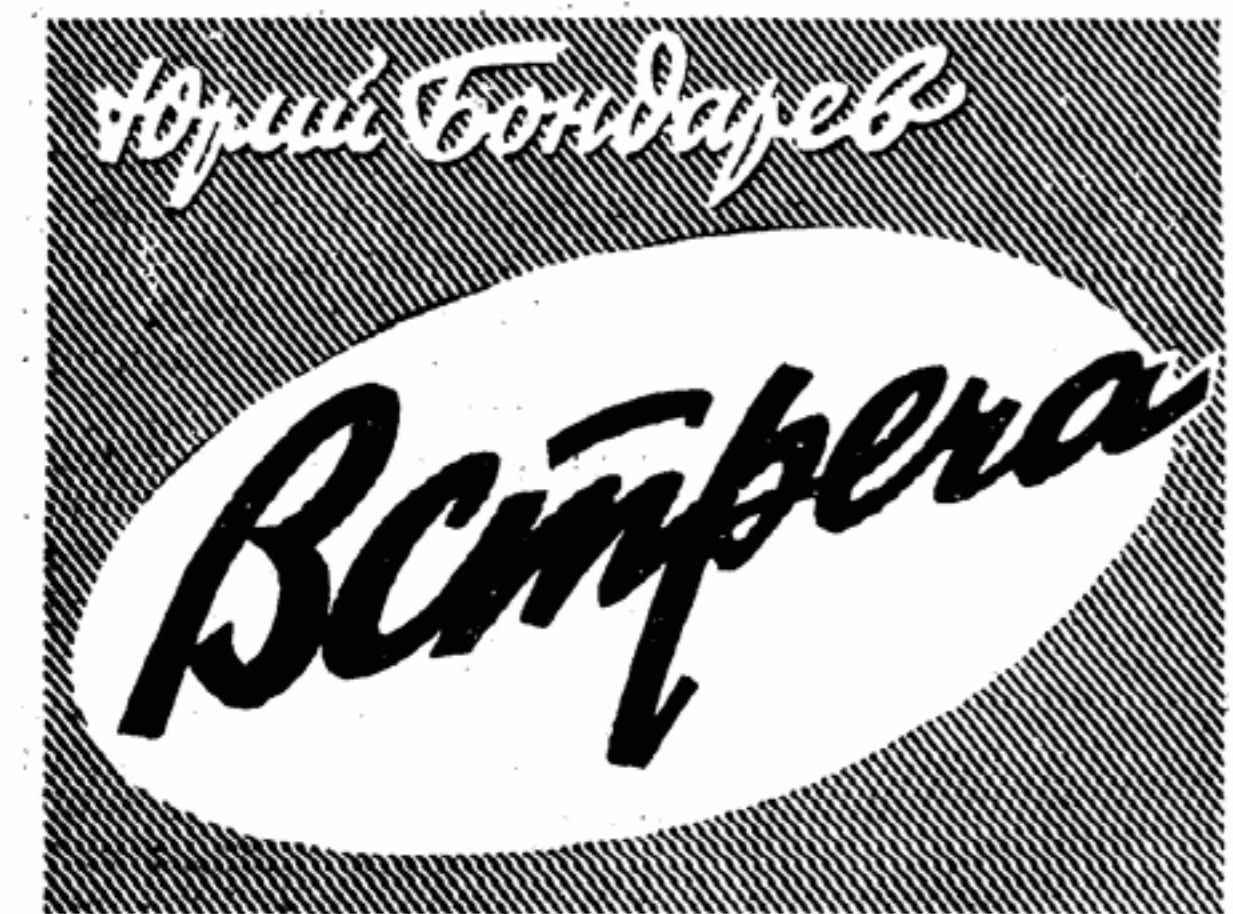
Недавно я выступал на огромном заводе перед дружинниками с рассказом о том, как работал над сценарием фильма «Дело № 306». Штаб и партийная организация торжественно наградили ценными подарками особо отличившихся дружинников и дружинниц. Это были награды за задержание преступников и хулиганов.

И как немалого было награжденных за то, что они вовлекли недавних уголовников в общественную работу, приохотили их к труду.

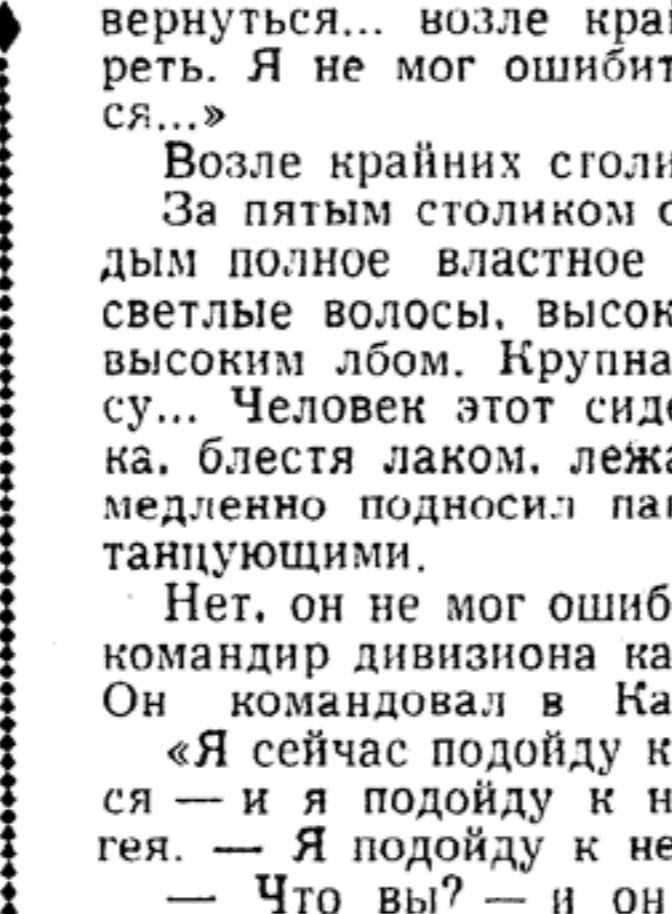
По-моему, надо, чтобы над каждым человеком, возвращающимся из мест заключения, брал шефство дружинник, общественник. Надо, чтобы вернувшийся на свободу сразу чувствовал честную дружескую руку, которая его поддерживает. Пусть этими общественниками руководят специальные комиссии при райисполкомах.

Тогда у нас не будет таких рецидивов, о которых я рассказывал. Тогда мы еще раз докажем, что гуманизмом, человеческим отношением можно сделать во много раз больше, чем карательными мерами!

Матвей РОИЗМАН

Новый роман Юрия Овдарица «Три шиха» охватывает период с 1945 по 1957 год, рассказывает о судьбах москвичей-фронтовиков после войны, об их студенческих годах, о товариществе, о любви, о молодых людях, которые в борьбе, в сложностях жизненных обстоятельств обрели свое трудное мирное счастье. Предисловием отрывок взят из первых глав романа и относится к сорочьему пятому году — дням возвращения и встреч, порой радостных, порой горьких и тяжелых.

МЕТЕЛЬНАЯ ночь липла к окнам стужей, инем и снегом, а в дыму, в тепле гремящего оркестра ресторана слыли, желто светясь, люстры в высоте потолка, блеск зеркал, лица танцующих людей, смешанный говор — это была атмосфера нового, ошеломляющего мира; и от того, что все непонятная жизнь была впереди, от того, что в каждом мускуле, в каждом движении, даже в серебристом звоне оркестров он чувствовал свою молодость, Сергей испытывал возбуждение, сладкую грезву — как будто все только начиналось, ждало его что-то и не было одиночества...

Он курил, глядя на танцующих, как бы ощущая морозную тушу за окнами, выгоду, ветер и вокруг себя — мягкий ласкающий взгляд женщины, их покачивающиеся движения, нежно обволакивающий смех, белые руки преданно лежали на плечах мужчин; звуки скрипок и сафонов говорили о мире вечном, счастливым, о непонятной любви, и на какое-то мгновение показало Сергею, что все это тотчас оборвется — и он должен идти на НИ, в ночь, холод, под грохочущие пули.

Он встал с мучительно отчаянным желанием точно в последний раз почувствовать чужью женскую руку на своем плече, со странным ощущением, что все это сейчас исчезнет, — и взглянул на женщины, которые не танцевали. Тонкая девушка в узком сером костюме, в окружении шатающихся молодых людей, сидела спиной к танцующим, говорила что-то, пальцами поглаживая высокую ножку бокала, молодые люди слушали молча, глядя на эту ножку и ей в улыбающееся лицо.

Сергей решительно подошел к столику, произнес уверенно, негромко: — Разрешите?

Она повернулась, подняв брови, внимательно посмотрела снизу вверх прозрачно-зелеными глазами.

Замы — был заметен пушок над верхней губой, сказала ровным теплым голосом, обращаясь к молодым людям: — Вы мне разрешаете? — Они, не отвечая, с натянутой вежливостью разглядывали Сергея, и он, подумав, что полагал им, все же повторил по-прежнему самоуверенно: — Простите, но думаю, они разрешат.

— Правда, я плохо танцую... — с улыбочкой сказала она и женственно-мягким движением одернула юбку, пошла к ним.
Когда она задалась возле него, гибкая, как был несомненно, подчинился ему, он удивился условности человеческих взаимоотношений — эти выдуманные людьми танцы сблизжали людей, разрушали холодную раздельность, да, да, видимо, человек, придумавший эти танцы, был одиноким. Он чувствовал ее влиятельные пальцы, охватывающие его руку, ее дыхание, будто между ними была тайная близость, любящий, ощущая слабый запах не то волос, не то духов, — она была чужой женщиной и уже не чужой. Он видел чистый лоб, глаза, чуть-чуть ласково улыбаясь, смотрели ему в грудь.

— Странно... — проговорил он, — Что же странно? — Она с улыбочкой подняла глаза. «Может быть, это есть счастье», — подумал он с волнением. Видеть нежность в глазах близкой женщины, чувствовать ее влажные пальцы? И вдруг все исчезло. Это было мгновенно, которое он не успел видеть. Он только посмотрел в зал, мучно-желтый от дыма, и тотчас куда-то упала музыка, стремительно скользнула вниз, смолкла, и он мгновенно опустился в вязкую глухоту, слыша в этой жаркой глухоте, как билось сердце. Пальцы в его руке шевельнулись, невинный голос спрашивал о чем-то. Он даже улыбнулся этому голосу, что-то сказал, не понимая слов, и когда говорил и улыбался, то подумал: «Еще раз по-

вернуться... возле крайних столиков... посмотреть. Я не мог ошибиться. Еще раз повернуться...»

Возле крайних столиков он повернулся. За пятым столиком от эстрады белело сквозоз дым полное властное лицо, гладко зачесанные светлые волосы, высокие ранние заплывы над высоким лбом. Крупная рука держала папиросу... Человек этот сидел один, женская сумочка, блестя лаком, лежала на краю столика. Он медленно подносил папиросу ко рту, следя за танцующими.

Нет, он не мог ошибиться, не мог. Кто это — командир дивизиона капитан Уваров? Это — он... Он командовал в Карпатах полтора месяца. «Я сейчас подойду к нему, сейчас все кончится — и я пойду к нему», — мысленно у Сергея. Я подойду к нему... — Что вы? — он ошарашен, будто вынырнул из горячей воды, почувствовал пот на лбу, и снова его словно обдуло ветерком — ее смеющийся голос: — Вы перестали танцевать. Мы ведь стоим. Это что — новый стиль? Да? — Да, да... — почти машинально повторил он, так же машинально подвел девушку к столику, произнес беззвучно: — Простите... И поднял голову, десять шагов до того столика, где сидел человек с полным, белым лицом, десять шагов осенней карпатской грязи, засосавшей орудия, тела убитых, сброшенные с передков лотки со снарядами. Там среди убитых умирал на станинах раненный в живот лейтенант Василенко... Крупная рука этого человека поднесла папиросу ко рту. Потом он, задумчиво сдвинув брови, налил в бокал боржом. Не отрывая глаз от танцующих, выпил. Тильной стороной ладони вытер губы. Помнил ли он сожженную деревню Жуковцы? Ночь в окружении и страшное серое октябрьское утро, когда орудия уехали на лугу и немские танки расстреливали их?.. Помнил?

Он курил и отлеживал боржом, лицо иссезало в дыму, маленькая лаковая сумочка лежала на краю стола. Чья эта сумка — невесты, жены, знакомой? Она, видимо, танцевала с кем-то... — Капитан Уваров? — Сергей не услышал своего голоса, только понял, что, отечитав шагам расстояние до столика, сказал это. Человек резко вынул голову, двинув локтем по столу, от движения бокал с боржомом опрокинулся. — А, черт! — выругался человек, переносив губы, и закрыл морозное плато бумажной салфеткой. — Что ваз? — спросил громко, раздраженным голосом. — В чем дело? — Не узнаете? — спросил Сергей медленно. — Правда, я не в военной форме. Трудно узнать. — Подождите... Подождите, что-то и припомню... что-то к тебе знакомо... — заговорил Уваров, голубые, чуть покрасневшие глаза его быстро, блаженно скользили по лицу Сергея, по его груди. И что-то дрогнуло, плеснулось в них. — Капитан Вохминцев? Ты? — с оным, налитым изумлением и радостью голосом воскликнул Уваров, вставая; раскраснело захохотал, протянул через стол руку.

— Ты что? Демобилизовался? Из Германии? Сергей стоял, не шевелясь, глядел на уверенно протянутой ему широкой ладони, и в ту же минуту в его сознании мелькнула мысль, что Уваров все забыл, и, только чувствуя холодный, колодий озноб на щеках, стиснувший кожу, произнес тихо: — Сидел, поговорил. Я демобилизовался, — хрипло добавил он. — Из Германии. — Он сел. Уваров отдернул руку, грузно опустился на стул, сказал резким, командным голосом: — Что за чушка, хотел бы я знать! Не узнаешь, что ли, меня? Кому ж? — Брови Уварова раздраженно вздынулись, но лицо как бы размякло, губы поползли в непонимающую улыбку, он досадно потер подбородок кулаком, спросил снова, прищурясь: — Не узнаешь? — Мы никогда не были на «ты», — сказал Сергей, с напряженной нетерпеливостью закуривая, с удивленным видом, что руки его сейчас не дрожали. — Мы не были друзьями.

— Ах, дьявол! — качнув головой, засмеялся Уваров, с превеликой веселостью откинувшись на стуле. — Обиделся, что ли? Все ерунда это! Давай выпьем за встречу, за то, чтобы на «ты». А? И не будем показывать свою интеллигентность!

Уваров поставил перед Сергеем рюмку, поглядев за графинчиком, добродушно морщась, голубозанная глаз стала жаркой, мутноватой, и по тому, как выступили пятнами нервные румянцы на щеках, по тому, как внезапно захохотал и потянулся за графинчиком, угадывалось беспокойство, настоятельность в нем, точно он вспоминал все.

— Не пьян, — проговорил Сергей, отодвинув рюмку. — Да ты что? Трезвенник? Ничего не понимаю! — снова захохотал Уваров. — Встречаешься два фронтами, один не пьет, другой обижается, у третьего печенки, селезенки. Что происходит с фронтовиками? — Он накрыл сильной горничкой ладонью руку Сергея, спросил с доверливым добродушием: — Может, переключи уже? Давно здесь веселишься? — Брось, Уваров! Ты все поминишь! — сухо произнес Сергей и с силой высоводил руку из ладонной влажности его ладони. Уваров, всем корпусом порывисто откинувшись на стуле, спросил с хрипотцой: — Так, Ты пьян? — Поминишь, на станинах лежал умирающий Василенко, когда я со взводом вытаскивал орудия из окружения? Поминишь? — Ты пьян, — сквозоз зубы повторил Уваров и, подняв голову, оглядываясь, крикнул зычно и властно: — Метродотел, подойди ко мне! Он встал.

На соседних столиках оглядывались. Сергей вполголоса, твердо сказал:

ОБСУЖДАЕМ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
ВЫДВИНУТЫЕ
НА СОСКИСАНКЕ
ЛЕНИНСКИХ
ПРЕМИИ

Любимая книга

ЛЕНИНСКАЯ ПРЕМИЯ

награда до-
стойнейшим.
И мы уже привыкли,
что ее награждают книги,
доказавшие свое непреходящее значение,
любимые всем народом и признанные им.
Бюро «Известия» опубликовало список
произведений, выдвинутых на соски-
санке Ленинских премий, каждый из нас
нерепетливо пройдет его глазами, увер-
ненный, что найдет здесь свое любимое
произведение. И как естественно было
встретиться в списке знакомое название:
«Поднятая целина».

Я как-то особенно остро почувствовал,
что такой большой художник живет и ра-
ботает в одно время с мной. И если мы
завоеваем читателя «Современника» вре-
мен Пушкина и Белинского, то через 50
или 100 лет будущие читатели Шолохо-
ва, может быть, станут завидовать нам,
читавшим «свежие главы» «Поднятой
целины» в утренней газете...

А мы уже давно ждали эти главы и
жадно ловили их в газете, журналах.
Мне повезло больше других — я был од-
ним из первых, кто услышал заключи-
тельные страницы этой книги: Михаил
Александрович читал их во время встре-
чи со студентами МГУ.

«Поднятая целина» с детства вошла в
жизнь каждого из нас. Мы смеялись над
делом Шукрема. Нас, мальчишек, пора-
жала непреклонность Макара Нагульни-
ва — романтический ореол его как будто
закрывал от нас добрую усмешку авто-
ра над этим железным и наивным челове-
ком. Потом мы стали понимать более по-
лно всю многогранность изображаемых Шо-
лоховым характеров; мы почувствовали
неповторимость шолоховской манеры...

«Ветер набухал от дождевой влаги и,
когда земля развалила облака, мела под
ярким солнцем и курчалась по голубым
ларам. По улицам и куралась из топочных
болотистых низин вставали туманы. Они
клубящиеся волнами перекатывались
через Гремачий Лог, устремляясь к степ-
ным грядам, и там таяли, невидимо рас-
творялись в нежнейшей бирюзовой дым-
ке, а... всюду, как рассыпанная капая
дуба, принимая траву, до полуны лежа-
щая святочно-тяжелая, обильная роса».

Эти начальные слова второй книги
«Поднятой целины». Сразу чувствуется,

ДЛЯ МЕНЯ, да, наверно, и не только
для меня, а для каждого человека
моего поколения, поэзия
Михаила Светлова — живая часть био-
графии.

Нам, комсомольцам
первых пятилеток, с
юных лет памятна
стихотворения о комсомольцах двадца-
того года:

Наши девушки, ремеслом
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели...

А кто не шел в тридцатые годы знаменитую
светловскую «Кавховку»? Кто не
повторял тогда этих строк, выражавших
главное, чем мы жили в то время:

Плод солнцем горячим, под ночью
спелую
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

Да и позднее, в годы Великой Отечест-
венной войны, мы, партизаны, не раз по-
вели эту замечательную песню в глубоком
тылу гитлеровцев, на той стороне
фронта, в землянках, у костров. И «Ка-
ховка» помогла нам, согрела сердце...

Но больше всего горюга мне, как, на-
верное, всем, кто пережил трагичную ре-
публиканскую Испанию. «Гренада» Светлова.
Недаром на могиле легендарного
генерала Лукача — венгерского писа-

теля Мате Залки, написавшего за свободу
испанского народа, погубившего слова свет-
ловской «Гренады»:

Чью голову,
Пшел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестянами отдал...

Эту песню об украинском царенке пе-
ли в Испанию и мы — русские антифа-
шисты, и наши товарищи по Интерна-
циональной бригаде на всех языках мира,
и бойцы воинских частей республикан-
ской Испании.

Часто я повторял про себя строки из
этого стихотворения:

Новые песни
Придула жизнь...
Не мало, ребята,
О песне тужить...

Да, это правда! Жизнь-трагедия мно-
го новых песен. И все-таки есть старые
песни, которые не забываются и не старе-
ют. В котоме вечно новым и нестарев-
ющим песням принадлежит, по-моему, луч-
шие стихи Михаила Светлова.

С удовольствием прочитал я последние
книжки поэта — «Горизонт». В этой книге

мне особенно дорого,
что Светлов по-преж-
нему верен своим
давним темам — героям и сверстникам
своей юности, нашей юности.

Когда я читаю вот эти, например, стро-
ки, мне кажется, словно это ко мне обра-
щается поэт:

Давай с тобой обменяем, солдат!
На нас заблестит глядя...
Нам не жалела розина пайка —
Сто молний, сто чудес и пачка табака.

И сорок лет — довольно долгий срок —
Мы проталили вешевой мешок.
Была такая ноша нелегка —
Сто молний, сто чудес и пачка табака.

Да, поэт имеет право сказать о себе
сегодня:

Я недаром погибал от жажды,
В фрутах десятков пересек.
Я дружок комсомольцев и сограждан
Собирая золотой песок...

С большой радостью увидел я имя Ми-
хаила Светлова в числе писателей и по-
этов, чьи произведения выдвинуты на со-
сисанке Ленинской премии.

Федор КРАВЧЕНКО,
Герой Советского Союза

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

Священник □ адвокат □ полицейский □ цветочница □ домашняя хозяйка □ биржевой маклер □ служащая банка □ рабочий-металлист... заявляют нам!

МЫ — ЗА

ОТ РЕДАКЦИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»
В эти дни индийский народ приветствует Н. С. Хрущева, прибывшего в Индию с кратким визитом на пути в Индонезию. И хотя взоры всех сейчас обращены к Азии, хотя до визита советского премьера во Францию осталось больше месяца, французский народ уже готовится к встрече с дорогим гостем. Муниципалитеты, предприятия, частные лица приглашают к себе Никиту Сергеевича.

Г-н ШМИТТЛЕЙН,
депутат Национального собрания, член президиума Ассоциации «Франция-СССР», член Центрального Комитета партии ЮНР:

«ОТ ЭТОЙ ВСТРЕЧИ МОЖНО ЖДАТЬ МНОГО»

— Встреча Хрущева и де Голля будет иметь совершенно особое значение в силу личных качеств, присущих обоим участникам переговоров, а также ввиду авторитета, которым каждый из них пользуется в своей стране.

Потому мы можем ожидать гораздо лучших результатов от этой встречи, чем от какой бы то ни было конференци министров иностранных дел, ограниченных в своем праве принимать решения и обязанных действовать в соответствии с директивами глав их правительств.

Хрущев неоднократно выражал твердое желание достичь соглашения с Францией, а де Голль, со своей стороны, в самой конкретной форме — как действиями, так и словами — выразил твердое намерение не допускать обострения международной напряженности.

Как с точки зрения мира во всем мире, так и в плане улучшения отношений между Францией и СССР встреча Хрущева и де Голля знаменует начало разрядки международной напряженности, подготавливает успех совещания в верхах и представляет собой историческое событие первостепенной важности.

Г-н ДЮРОН,
газовщик из Иври

— Это неплохо. Более того, это даже очень хорошо. Надо вести переговоры... До сих пор переговоры велись только с американцами. Но, прислушавшись только к одному колоколу, лишь его звон и слышать.

Я в политике не силен, но думаю, что правильно было пригласить Хрущева...

Г-н П. С.
из Шамбери,
представитель деловых кругов, 53 года.

— Поездка Хрущева в Париж? Хорошее дело, если только удастся достичь единства взглядов. Сближение Запада и Востока может привести к взаимовыгодному расширению торговых связей.

Г-н С. Б.,
биржевой маклер.
Интервью взято в кулуарах биржи

— Я работаю у одного банкира. У меня сложилось впечатление, что мой хозяин относится к этому положительно — постольку, поскольку это означает расширение торговых связей. Встреча между де Голлем и Хрущевым должна способствовать обмену между Востоком и Западом. С моей точки зрения, этот приезд важнее приезда Эйзенхауэра.

Антонэн МАНЬ:
«БОЛЬШАЯ НАДЕЖДА»

— Мое мнение? Вот оно в двух словах: оставляя на этот раз в стороне спорные темы, я думаю, как и все французы, что подобные поездки могут лишь укрепить мир и подать человечеству большую надежду.

ДОРОЖНОЙ СЛУЖАЩИЙ
города Парижа

— Мне нечего сказать... Есть у меня, разумеется, свое мнение, но я его держу при себе...

Мадемуазель Сесиль Л.,
18 лет, служащая

— Я в это дело не верю... Правительство разыгрывает комедию... Хочет быть не хуже других...

Г-н Ж. Т.,
полицейский (8-й округ)

— Я — за. Эти обмены мнениями между президентами — хорошее дело. Эйзенхауэр и Хрущев представляют две великие державы. С этим надо считаться.

Поездка г-на Хрущева в Париж может способствовать укреплению мира. Во всяком случае, вреда от нее не будет.

Г-н Альбер ДЮКРОК:
«МИР — НАШЕ САМОЕ ДРАГОЦЕННОЕ СОКРОВИЩЕ...»

— Я — не политик... Я — ученый и могу высказать только мнение ученого... Думаю, что наше поколение имеет возможность прожить интереснейшую жизнь за всю историю человечества. При одном условии: что оно будет жить в мире. Мир — наше самое драгоценное сокровище. Все, что может укрепить мир, следует приветствовать...

Г-н ЛЕВИ,
адвокат.
Интервью взято на Елисейских полях

— Поездка г-на «Х.» в Париж? От нее можно ожидать разрядки напряженности между Западом и Востоком, а затем и улучшения жизненных условий французов и людей во всем мире. Холодная война чудовищна... Я думаю, однако, что приезд г-на «Х.» имеет меньшее значение, чем приезд Эйзенхауэра. В самом деле, мне трудно представить себе, что может быть достигнута сепаратная договоренность — ведь разногласия между Западом и Востоком существуют во всемирном масштабе.

ЦВЕТОЧНИЦА,
улица Лурмель, 14 (15-й округ)

— Это очень хорошо... Он здесь никогда еще не был... Это даст ему представление о Франции...

ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА,
торопящаяся совершить свои покупки на улице Лурмель

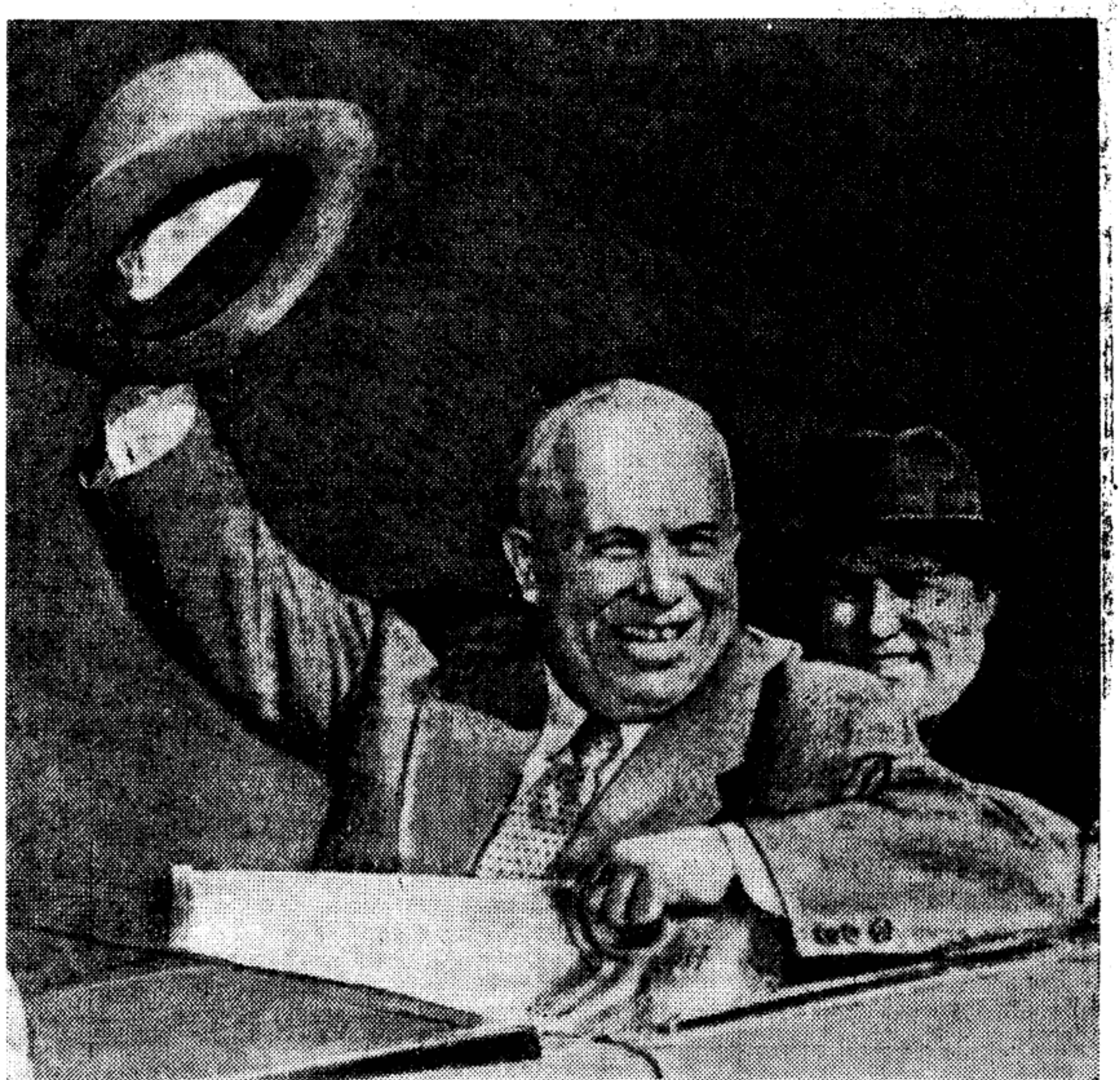
— Ни малейшего представления... Я слышала, конечно, разговоры об этом, но в политике не разбираюсь...

МАДАМ С.,
домашняя хозяйка, Париж

— Я не думала об этом. Но мне кажется, что это — важное событие...

ЭТА страница перепечатана нами из французской газеты «ЮМАНИТЕ» от 5 февраля 1960 года

Аббат ДЕКОНЬЕ (Париж).
Интервью взято на Елисейских полях

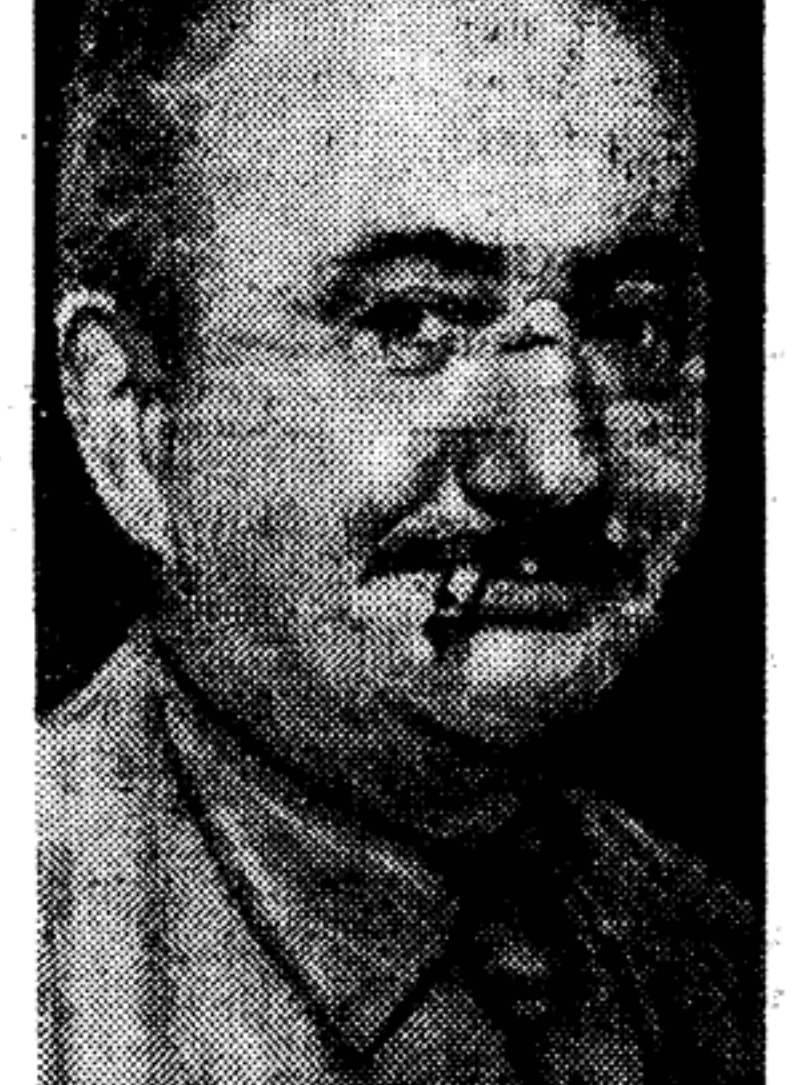
— Как я отношусь к поездке г-на Хрущева в Париж? В принципе — хорошо, если эта поездка будет способствовать делу мира... да... я думаю, что такой результат возможен... Смысл этих дебатов немного ускользает от меня... тем не менее мне кажется, что поездка г-на Хрущева в Соединенные Штаты очень успокоила умы. Я думаю, что приезд советского премьера имеет большее значение, чем недавний приезд Эйзенхауэра. В самом деле, такому приходу, как я, кажется, что наши отношения с Соединенными Штатами вовсе не так уж натянуты, хотя американцев и рассматривают подчас как оккупантов.

Г-н КЕРУ,
служащий Национальной гидравлической лаборатории

— Я был очень удивлен, узнав, что правительство пригласило Хрущева в Париж. Ведь де Голль не разделяет взглядов Советского правительства. Думаю, что этот визит представляет безусловный интерес. Политика личных контактов имеет свои хорошие стороны. Мы должны присутствовать на международной арене. Приезд Хрущева в Париж — это так же важно, как приезд Эйзенхауэра...

Г-н Луи МУРГ,
пенсионер из Эвины

— Я думаю, что эта поездка будет очень полезной для дела мира. Она будет способствовать разрядке международной напряженности... (С восхищением)... Надо признать, что это и в самом деле крик души народа... Луизиана — это потрясающе... И подумайте только, что этот народ вышел из полного мрака, в котором его держали цари... Низкий поклон!

Мадам БЕРНУССИ (р/о де Театр, дом № 106), гуляющая со своими детьми на улице Лурмель

— Очень хорошо, что он приезжает. Да, мы говорили об этом, мой муж и я. Муж со мной согласен. Если мир во всем мире от этого выиграет, — чудесно!

Не все читатели «Фигаро» согласны с Луи-Габриэлем Робине
ФРАНЦИЯ говорит: «Браво!» Но газета «Фигаро» в пятницу: Хрущев проведет 15 дней во Франции! Этот человек способен выиграть за нас войну улыбок, ужасается Луи-Габриэль Робине в передовой статье от 16 ноября прошлого года. И кричит изо всех сил, что это «неразумно».

ЗОНДИРОВАТЬ общественное мнение — не благодарная задача. Однако для беглого опроса людей нельзя было выбрать более подходящей темы, чем та, которую мне дали: «Что вы думаете о поездке г-на Хрущева в Париж?» На этот предмет у каждого есть что сказать, и — я это раз мог в этом убедиться — каждый выражает при этом огромное удовлетворение.

Люди говорят: мы «за». С энтузиазмом или сдержанно, движимые государственными соображениями или просто здравым смыслом, определенными политическими взглядами или, напротив, отсутствием таковых. Одни говорят это, как опытные «деловые люди», другие же — просто как люди, как люди, которые хотят жить, и жить в мире. Но все они — «за».

Люди говорят: мы «за» — на Елисейских полях, как и в Бельвиле, на бирже — в этом храме капитала, как и на улице Гренель в обители труда. Священник, адвокат, полицейский, цветочница, домашняя хозяйка, биржевой маклер, служащая банка, рабочий — металлист сказали мне: «Мы «за».

За время моих скитаний по столице только один голос высказался «против». Это было закоснелое, упрямое, унылое «против», и говоривший не пожелал даже выслушать какие бы то ни было доводы: «Допускаю, что это очень интересно, но я «против». Таким тоном говорит тот, кто против всего на свете...

Конечно, исповедовать незнакомых людей, случайно встреченных на той или иной улице, — значит идти на известный риск. Умудренные многолетним опытом, спешащие на рынок домашние хозяйки все готовы принять вас за продавца бездельных или пренебрежительно «улыбнувшись губы, вежливо, но решительно бросают вам: «Нет, спасибо!» — и убегают. Другие же думают: «Никогда нельзя знать, с кем имеешь дело». Им кажется, что заданный вопрос отличается подозрительной простотой и они упорно уверяют вас, что у них вовсе нет никакого мнения. Заглянуть в сундук, в котором они хранят свои мысли, невозможно...